

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
ИМЕНИ ИСЛАМА КАРИМОВА

А.ХАКИМОВ

Жизнь и творчество
Чингиза Ахмарова

НЕТЛЕННЫЙ
СВЕТ

Содержание

Вместо вступления	6
Память дает знать времени о его бесправии	7
Алгеброй поверить поэзию	10
I. Эпоха и художник	
Противостояние было скрытым, а смирение – мудрым	17
История маленького Мука – Троицк	27
Пермь: Чингиз «изоработник»	31
Краса мира - Самарканд	35
Другое время, другое искусство	43
Московская Альма матер	53
Набат войны	59
История шедевра	63
Белый конь Искандера	79
Драма влюбленного правителя	81
Фархад и Ширин: «повесть горя и разлук»	87
Дай мне вместо рая Лейли мою	97
Соцреализм крепчает...В Москву...В Москву	107
II. Нетленный свет	
Раненный воин	129
Здравствуй, грусть! Прощай , грусть! Любимая Шамсирой	129
Семья - Карим, Земфира, Шахноз	141
Преемница	151
Золотистая аура Согдийской свадьбы	167
III. Серебряный век	
Друзей моих прекрасные черты	201
Посмотрите на тиранов и пожалейте поэта	225
Разговор со звездой	227
Рости ва Рустি: сила в справедливости	247
К познанию страсть неистребима в нас	251
Поэма двух сердец	277
Образ Улугбека в монументальных росписях	279
Дворцовый прием Улугбека: кафе Юлдуз	297
Райский сад на стенах Музея Навои	305
Жизнь торжествует и продолжается	313
Зримое потомками наследие поэта	319
Парящие ангелы всегда молоды	335
Два видения «Кашмирской легенды»	345
Сочи: чередование весен и зим	355
Бухарская фреска и тайна старой чинары	359
Вместо Заключения	
Млечный путь художника	373
Библиография	398
Принятые сокращения	399

Один из своих первых фундаментальных исследовательских проектов Фонд Ислама Каримова посвящает творчеству выдающегося мастера, лауреата Государственных премий, Народного художника Узбекистана и Народного художника Татарстана Чингиза Ахмарова.

Начало 21 века, который маэстро не застал, не затмило свет, излучаемый его нетленными творениями. Поразительные технократические метаморфозы, смена парадигм искусства и стандартов красоты, драматические события и волны новых эмоций и драм, захлестнувшие ландшафт современной мировой истории неожиданно придали поэтике его образов и утонченной художественной философии онтологически и духовно востребованный характер. Сегодня становится очевидным как важен тот вклад, который Ахмаров внес в искусство XX века, какое сильное воздействие оказала его философия искусства на все будущее развитие национальной культуры Узбекистана, на художественное сознание целого поколения его современников, последователей и учеников. По внутренней цельности и творческой неутомимости в поисках своего стиля Ч.Ахмаров был неповторим. В то же время в адекватном представлении о Чингизе Ахмарове и осознании его реального вклада в искусство важную роль играет попытка освободиться от бытовавших некогда и существующих сегодня стереотипов и клише в отношении его творчества и жизненной судьбы, преувеличенных или искусственно созданных культовых оценок.

В настоящем издании сделана попытка снять как панегирический флер, так и несправедливые уничижительные характеристики его наследия и по иному исследовать феномен Чингиза Ахмарова – Человека и Художника...

Лола Исламовна Каримова—Тилляева

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

А.С.Пушкин. «Моцарт и Сальери».

Благотворительный Фонд
Первого Президента Узбекистана
Ислама Каримова

А.Ахматов
Нетленный свет

Жизнь и творчество
Чингиза Ахмарова

Память дает знать времени о его бесправии

Почему сегодня не утихает, а напротив – усиливается и получает новую окраску интерес к творчеству Чингиза Ахмарова? Какую тайну хранит его искусство? Можно ли вербально оценить удивительный, порой противоречивый, но поразительно притягательный мир его образов, неповторимость Стиля и Судьбы художника – «единого прекрасного жреца»?

По внутренней цельности и творческой неутомимости в поисках своей Синей птицы в небе Востока Ч.Ахмаров был неповторим. Как писал Л.И.Ремпель: «Его эмблемой могла бы стать уже знакомая Синяя птица Метерлинка и МХАТа, если бы над ним не витал серебристокрылый Симвург, которому посвящено, и все его творчество» (Л.И.Ремпель. 1992, стр. 389).

В исследовании жизненных событий и творчества Ч.Ахмарова наряду с искусствоведческими подходами, использованы и определенные литературные приемы, позволяющие более доступно представить себе образ художника, его мысли и переживания в человеческом приближении. Но и в лирических отступлениях фактическая основа событий сохранена. Известную роль в таком подходе сыграли и мои собственные впечатления от встреч и бесед с Чингизом Ахмаровым.

С Ч.Ахмаровым судьба свела меня в конце 1970-х годов, когда я был привлечен к работе СХ Узбекистана в качестве руководителя секции критики и искусствоведения. Не столь часто, но общался с ним – на выставках, во время обсуждений работ художников на заседании секции критики. Нередко он приходил в Институт искусствознания, который был первым местом его работы после защиты кандидатской диссертации в Москве в 1949 г.

Он подолгу беседовал со своими соотечественниками. Среди них была Каримова Розия – бывшая танцовщица легендарного ансамбля Тамары Ханум, впоследствии занявшаяся исследованием узбекского национального танца, Фахретдинова Диляра Ахадовна – доктор искусствоведения, изучавшая прикладное искусство Узбекистана, его соратник по Московскому Художественному институту – доктор искусствоведения Такташ Рафаил Хадиевич, писавший о его творчестве.

Ч.Ахмаров встречался и с другими сотрудниками Института. Он подолгу беседовал с известными учеными-искусствоведами профессором Лазарем Израилевичем Ремпелем, академиком Галиной Анатольевной Пугаченковой, кандидатом искусствоведения Абдулхаем Рашидовичем Умаровым – автором статей о мастере и двух книг-альбомов, посвященных его творчеству. В эти посещения и мне посчастливилось общаться с мастером.

В один из осенних дней 1989 года Ч.Ахмаров пришел в Институт искусствознания, где им были созданы панно - настенные росписи «Музы Востока». Он зашел ко мне в кабинет на 4 этаже Института, где я работал в качестве заведующего отделом прикладного искусства и принес московский журнал «Творчество» за 1988 год с моей статьей «Грани художественного процесса». В его руках

была папка с рисунками. Он преподнес мне журнал со статьей и похвалил меня за ее «аналитический характер». Я был удивлен таким вниманием мастера. Затем Ч.Ахмаров открыл папку и стал показывать свои графические листы разных лет. Среди них мне запомнился один из его ранних портретов юной узбекской девушки, написанный цветными карандашами и отличавшийся наивным и очень искренним настроением. Впоследствии я не раз вспоминал этот портрет, но так и не встретил эту незнакомку в публикациях. Наша беседа закончилась тем, что он спросил, чем я сейчас занимаюсь. Это было время конца горбачевской перестройки, когда в искусстве Узбекистана возникли новые и необычные тенденции. Художники создавали картины, в которых звучала острая социальная критика предшествующего строя и по существу отвергались принципы соцреализма, десятилетиями господствовавшего в советском искусстве. По новому, с особым пиететом стало трактоваться искусство художников 1920-х годов, которые подвергались беспощадной критике в 1930-50 гг. Тогда я увлеченно работал над проектом создания Первого творческого объединения 23 художников Узбекистана, куда вошли все наиболее ведущие художники, составившие костяк этого новаторского течения. В то время изысканная эстетика Чингиза Ахмарова казалась несколько отстраненным, рафинированным и не совсем актуальным явлением в бурном, клокающем процессе перестроечных перемен. Я сказал Чингиз-аке, как увлечен и загружен этой работой. Он внимательно послушал и, вежливо попрощавшись, перешел в соседнюю комнату, где сидела Д. А. Фахретдинова. Через некоторое время она подошла ко мне и сказала, что у нее был Ч.Ахмаров. Я сказал, что он был и у меня. Она, немного промолчав, сказала, что Чингиз Габдурахманович попросил передать мне его просьбу написать статью о его графике в журнал «Творчество». Я сказал, что подумаю и по молодости лет забыл об этом эпизоде, а, возможно, посчитал, что есть и более актуальные темы. Ахмаров еще несколько раз встречался со мной, но ни разу больше не обмолвился о своем предложении. Каждый раз, когда я вижу публикации о Чингизе Ахмарове, я вспоминаю тот случай в Институте и его молчаливую просьбу.

Эта книга – дань памяти маэстро, своеобразное извинение за прошлую несознательную невнимательность автора этих строк к творчеству мастера и попытка озвучить свое профессиональное отношение к наследию великого Художника, «дающего знать времени о его бесправии».

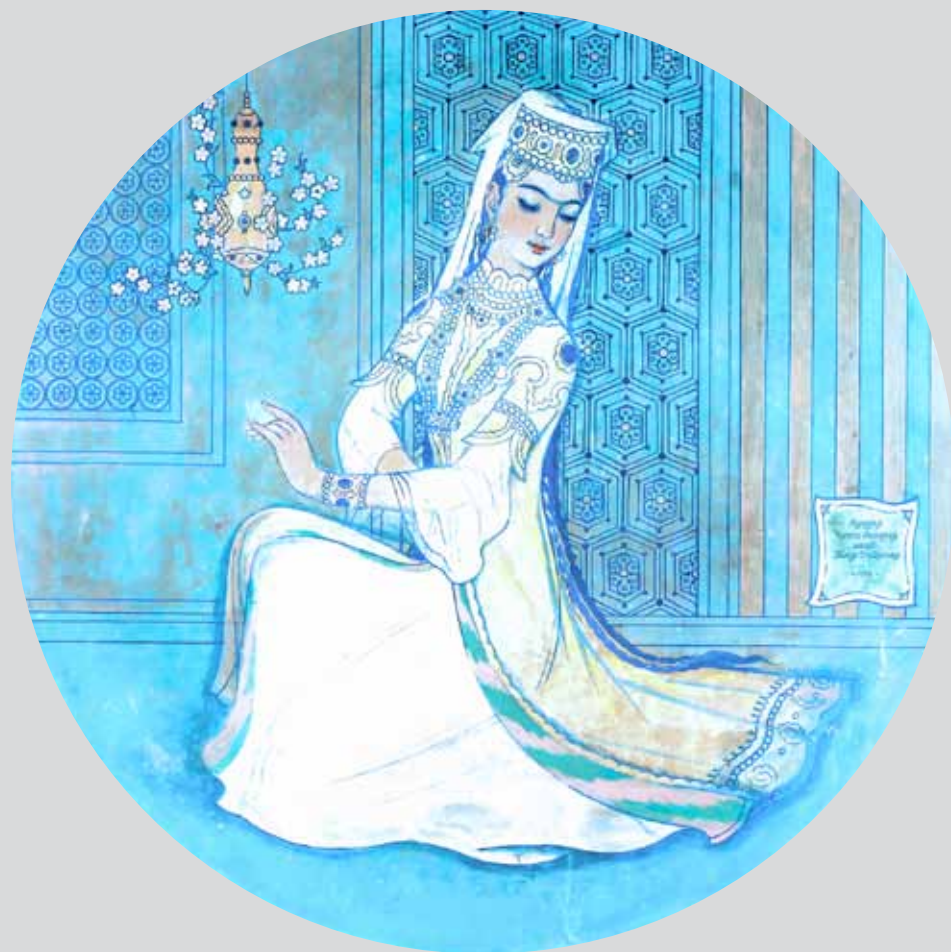
Чингиз Ахмаров в кабинете Д. Фахретдиновой в Институте искусствознания. Ташкент. Конец 1980 - нач. 1990-х гг.

Чингиз Ахмаров и Лазарь Израилевич Ремпель на фоне росписей в Институте искусствознания. Начало 1980-х гг. Ташкент.

Ч.Ахмаров. Общий вид настенной росписи в Институте искусствознания. Ташкент 1978 г.

Ч.Ахмаров. Муза танца. Фрагмент росписи в Институте искусствознания. Ташкент. 1978 г.

Ч.Ахмаров. Муза поэзии. Фрагмент росписи в Институте искусствознания. Ташкент. 1978 г.

Ч.Ахмаров. Муза живописи. Фрагмент росписи в Институте искусствознания. Ташкент. 1978 г.

Ч.Ахмаров. Аллегория музыки. Фрагмент росписи в Институте искусствознания. Ташкент. 1978 г.